

УДК 81'373.23

С.В. Дорда

ГЕНДЕРНЫЙ ДИСКУРС И ЕГО СИСТЕМНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

У статті гендерний дискурс розглядається як відкрита система. Проводиться дослідження як структурно-функціональних особливостей її організації, так і механізм її взаємодії із зовнішнім середовищем.

Гендерные исследования – новое направление отечественной гуманитарной науки, находящееся сейчас в процессе становления. В центре его внимания находятся культурные и социальные факторы, определяющие отношение общества к мужчинам и женщинам, поведение индивидов в связи с принадлежностью к тому или иному полу, стереотипные представления о мужских и женских качествах – все то, что переводит проблематику пола из области биологии в сферу социальной жизни и культуры. Междисциплинарный характер является неотъемлемой чертой гендерных исследований, что, однако, не позволяет пренебрегать лингвистическим анализом. Изучение гендерных аспектов языка предполагает определение и описание понятия «пол», а также его лингвистическое отражение на разных уровнях языка. Все это говорит об **актуальности** теоретического осмысления репрезентации пола. Гендерный дискурс является открытой системой. **Целью** данной статьи является исследование как структурно-функциональных особенностей ее организации, так и механизм ее взаимодействия с внешней средой.

На современном этапе развития лингвистики особую актуальность и значимость приобрела задача, наиболее явно сформулированная В.Гумбольдтом и заключающаяся в необходимости «исследовать функционирование языка в его широчайшем объеме – не просто в его отношении к речи и к ее непосредственному продукту, набору лексических документов, но и в его отношении к деятельности мышления и чувственного восприятия» [Гумбольдт 1984:75].

Язык – это лишь небольшая часть того целостного явления, которое мы стремимся познать, и что для его познания необходимо привлечение понятий не только памяти, физиологических, психологических, психофизиологических свойств человека, но и знаний о мире, социального контекста высказываний, способов взаимодействия и организации всех типов знаний, а также всей деятельности человека [Герасимов, Петров 1988:6]. Подобно тому, как поведение человека определяется его знаниями, языковое поведение людей обусловлено имеющейся у носителей языка системой, самоорганизующейся и саморегулируемой, подвижной и изменяющейся на основе новых данных

и образующей необходимую для коммуникации базу знаний. В состав этой базы знаний входят следующие компоненты:

1) **языковые знания:**

- а) знание языка – грамматики, дополненное знанием композициональной и лексической семантики;
- б) знания об употреблении языка;
- в) знание принципов речевого общения;

2) **внеязыковые знания:**

- а) о контексте и ситуации, знания об адресате (в том числе знание поставленных адресатом целей и планов, его представления о говорящем и об окружающей обстановке и т.п.);
- б) общефоновые знания (т.е. знания о мире: знания о событиях, состояниях, действиях и процессах и т.д. [Герасимов, Петров 1988:7].

Современная лингвистика подчеркивает первостепенную и фундаментальную значимость языка как системы, основополагающей для приобретения, хранения и развития наших знаний о мире, как «способа закрепления всей отражательной деятельности мышления – деятельности, которая, в свою очередь, неразрывно связана с практической (физической) деятельностью человека» [Колшанский 1990: 22].

Основополагающими признаками сложной системы считаются следующие: она 1) взаимодействует со средой и другими системами как единое целое, 2) состоит из иерархии подсистем более низкого уровня, 3) является подсистемой для систем более высокого порядка, 4) сохраняет общую структуру взаимодействия элементов при изменениях внешних условий и внутреннего состояния [Коган 1977:44].

Важнейшей характеристикой системы является не бесцельное «взаимодействие», а целенаправленное «взаимодействие» компонентов системы, организуемой результатом ее деятельности [Анохин 1968:55]. При этом она выступает как «самонастраивающаяся система, приспособляющаяся к условиям своего функционирования не только путем обогащения своего состава, но и путем изменения самой своей структуры» [Арнольд 1991:119]. Адаптация и саморегуляция являются характеристиками не только биологических систем, но также социальных, которые способны функционировать в постоянно меняющихся условиях и самонастраиваться в зависимости от изменения воздействия внешних факторов.

Главным отличием социальных систем от природных является то, что в них самоорганизация дополняется организацией, поскольку в обществе действуют люди, наделенные сознанием, которые ставят перед собой конкретные цели, руководствуясь мотивами своего поведения и ценностными ориентирами. В связи с этим взаимодействие самоорганизации и организации, случайного и необходимого составляет основу развития социальных систем [Рузавин 1995:64].

Неудивительно, что теория самоорганизации сегодня является одним из наиболее популярных и перспективных междисциплинарных подходов. Во многих социальных и гуманитарных науках, в том числе и в лингвистике, прослеживается смена парадигмы в направлении «самоструктурирования сложных систем». Говоря о языковой системности, И.В. Арнольд отмечает, что языковые явления следует рассматривать как «функционально-адаптивные системы, которые непрерывно адаптируются к условиям коммуникативной среды и ситуации, в которой они функционируют» [Арнольд 1991:118].

Современный этап лингвистических исследований характеризуется тем, что в качестве объекта анализа внимание ученых все более привлекают не изолированные речевые акты, а взаимосвязанная последовательность речевых актов в составе комплексного речевого образования – дискурса. Именно анализ дискурса существенно расширил горизонты прагматики и является одним из наиболее эффективных и плодотворных подходов к изучению речевого общения.

Термин «дискурс» был введен в научный обиход Ю. Хабермасом для обозначения вида речевой деятельности, которая предусматривает критическое рассмотрение ценностей, норм и правил социальной жизни.

Возникновение и концептуальное оформление теории дискурса приходится на 60-е – 70-е гг. XX века. Это обусловлено не только стремлением структурной лингвистики вывести синтаксис за пределы предложения, разработкой прагматики речи, исследованием ее социальных черт, но и общей тенденцией к интеграции гуманитарных исследований.

Анализируя существующие определения дискурса, Г.М. Левина сводит их к двум позициям:

- 1) дискурс как фрагмент речи, как ткань рассказа,
- 2) дискурс как система знаний в той или иной отрасли общечеловеческой культуры (политический, медицинский и т.д.) [Левина 2003:69].

Все трактовки дискурса одновременно включают два компонента:

- 1) динамический процесс речевой деятельности, осуществленной в социальном контексте, и
- 2) результат этой деятельности преимущественно в форме текста.

Таким образом, во всех научных дефинициях постоянными признаками дискурса являются:

- 1) понимание его как речи, которая порождается во время коммуникации,
- 2) соотношение с субъектом,
- 3) обязательное включение в коммуникативную деятельность, кроме вербальной составляющей, еще и контекста в форме знаний о мире. Последний признак акцентирует внимание на ситуации общения, поэтому интерпретировать ситуацию дискурса – это

учитывать условия общения, т.е. его прагматическую составляющую.

Исходя из приведенных определений, можно сделать вывод, что дискурс понимается узко и широко.

В первом случае – это вербальная составляющая коммуникативного действия. Это продукт коммуникативного действия, ее результат, который интерпретируется коммуникантами. При этом в процессе коммуникации на первое место выходит не речь, а сумма общих знаний, обладание контекстом ситуации, что и обеспечивает понимание. Такому пониманию соответствует формула дискурс – это текст плюс контекст. Во втором – это коммуникативное событие, которое осуществляется между говорящим, реципиентом в процессе коммуникативного действия [Денисова 2004:7].

В конце XX в. термин дискурс получает более широкое понимание. Он становится полисемантическим и зависит от научной сферы. Все большее внимание уделяется социумной принадлежности дискурса. Г.Г. Почепцов определяет дискурс как социолингвистическую структуру [Почепцов 1999:89]. Это определяет его языковые и речевые, а также коммуникативно-прагматические характеристики. Это литературный, фольклорный, тоталитарный и т.д. дискурсы.

Гендерный дискурс является открытой системой. Для достоверного прогноза поведения открытой системы и характера ее саморегуляции необходимо исследование как структурно-функциональных особенностей ее организации, так и механизм ее взаимодействия с внешней средой [Prigogine,Stengers 1984:11].

Понятие «гендер» отражает сложившиеся в данном социуме представления о системе ролей, отношений и стереотипов поведения, принятых между мужчинами и женщинами. Эти представления определяются не биологическими факторами, а социальным, политическим и экономическим контекстами. Если пол дается человеку природой, то гендер – это общественно конструируемое понятие, его можно рассматривать как результат трансформации биологических категорий женского и мужского пола в социальные категории женщин и мужчин. Таким образом, гендерный аспект исследования предполагает учет сложных взаимоотношений, существующих между анатомо-биологическими особенностями женщин и мужчин и той социально-культурной надстройкой, в которой протекает их жизнедеятельность.

Являясь важным аспектом социальной организации, гендерные отношения особым образом выражают ее системные характеристики и структурируют отношения между говорящими субъектами. Основные теоретико-методологические положения гендерного концепта основаны на четырех взаимосвязанных компонентах:

- культурные символы;

- нормативные утверждения, задающие направления для возможных интерпретаций этих символов и выражающиеся в религиозных, научных, правовых и политических доктринах;

- социальные институты и организации;

- самоидентификация личности [Кирилина 1999:9].

Гендерные отношения фиксируются в языке в виде культурно обусловленных стереотипов, накладывая отпечаток на поведение, в том числе и речевой, личности и на процессы ее социализации. По мнению некоторых ученых [Lakoff 2000; Tannen 1990], дискурс мужчин и женщин представляет собой две относительно автономные системы, которые во многом отличаются друг от друга.

Д.Таннен [Tannen 1990:26] выделяет, по крайней мере, девять параметров, по которым мужчины и женщины формируют различные и часто противоположные интерпретационные фреймы, а именно:

1. интимность, общность – независимость (intimacy – independence);
2. близость – статус (connection – status);
3. включенность – исключенность (inclusive – exclusive);
4. взаимоотношения – информация (relationship – information);
5. дружелюбие – сообщение (rapport – report);
6. коллективизм – состязательность (community – contest);
7. проблемы – решения (problems – solutions);
8. новичок – эксперт (novice – expert);
9. слушатель – ментор (listener – lecturer).

В работе Р. Лакоффа [Lakoff 1973] указывается на ситуацию «двойной связанности», в которую попадают женщины при коммуникации в смешанных группах: типично женские тактики речевого поведения не способствуют восприятию содержания сообщений, создавая впечатление неуверенности и некомпетентности. Если же женщины пользуются мужскими тактиками, которые по Лакоффу характеризуются наступательностью, меньшей кооперативностью, частым использованием директивных речевых актов, то они воспринимаются как неженственные и агрессивные.

Однако современные теории социальной идентичности рассматривают гендер как «разыгрываемый» или конструируемый в ходе коммуникативного взаимодействия феномен [Collier, Thomas 1988; Coupland 1996]. Теория коммуникативной адаптации [Burgoon, Stern, Dillman 1995; Giles, Coupland 1991] предполагает избирательное варьирование индивидами языкового регистра в зависимости от их социальных целей. Говорящий может проакцентировать или «затушевать» некоторые параметры своей личности в целях солидаризации с собеседником или дистанцирования от него. Следовательно, коммуникативная ситуация может воздействовать на дискурс, что подтверждает интерактивную природу конструирования идентичности.

Внеязыковую среду по отношению к системе гендерного дискурса можно понимать как изменчивое переплетение психологических, физиологических, социальных, культурных, когнитивных и других факторов, детерминирующих речевое поведение коммуникантов. Понимание гендерного дискурса как системы позволяет выявлять закономерности взаимодействия между составляющими коммуникативного процесса, анализировать влияние различных параметров ситуации общения на функционирование его подсистем. Можно заключить, таким образом, что системный подход по-новому освещает принцип всеобщей связи явлений, выдвигая на первый план коммуникативную его сторону и дополняя представление о структурно-функциональном единстве мира положением о синхронизированном, организационно-согласованном существовании его частей.

Литература

Анохин 1968 - Анохин П.К. Биология и нейрофизиология условного рефлекса. – М.: Медицина, 1968. – 325 с.; **Арнольд 1991** - Арнольд И.В. Современные лингвистические теории взаимодействия и среды // Вопросы языкознания. – 1991. - №3. – С. 118-126; **Герасимов, Петров 1988** - Герасимов В.И., Петров В.В. На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23. – Когнитивные аспекты языка. – М., 1988. – С. 5-11; **Гумбольдт В. фон. 1984** - Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984. – С. 36-298; **Денисова 2004** - Денисова С.П. Дискурс у сучасних комунікаційних системах // Дискурс у комунікаційних системах. Збірник наукових статей. – К., 2004. – С. 5-14; **Кирилина 1999** - Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. – М., 1999. – 180 с.; **Коган, Наумов, Режабек, Чораян 1977** - Коган А.Б., Наумов Н.П., Режабек Б.Г., Чораян О.Г. Биологическая кибернетика. – М.: Высшая школа, 1977. – 407 с.; **Колшанский 1990** - Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М., 1990. – 108 с.; **Левина 2003** - Левина Г.М. Невербальная вербальность: некоторые вопросы и уточнения к понятию «дискурс» // Мир русского слова. – 2003. - №(15)2. – С. 64-71; **Почепцов 1999** - Почепцов Г.Г. Теорія комунікації. – К., 1999. – 308 с.; **Рузавин 1995** - Рузавин Г.И. Самоорганизация и организация в развитии общества // Вопросы философии. – 1995. - № 8. – С. 62-72; **Burgoon, Stern, Dillman 1995** - Burgoon J.K., Stern L.A., Dillman L. Interpersonal adaptation: Diadic interaction patterns. New York, Cambridge University Press, 1995. – 240 p.; **Collier, Thomas 1988** - Collier M.J., Thomas M. Cultural Identity: An interpretive perspective // Y.Y.Kim, W.B.Gudykunst (eds.) Theories in intercultural communication. – Newbury Park, 1988. – P.99-122; **Coupland 1996** - Coupland J. Dating advertisements: Discourses of the commodified self

// Discourse and Society, 1996. - #7. – P.187-207; **Giles, Coupland, Coupland 1991** - Giles H., Coupland N., Coupland J. Accomodation Theory: .Communication, context and consequence //H.Giles, J.Coupland, N. Coupland (Eds.) Contexts of accommodation: Development in applied sociolinguistics, Cambridge, UK, 1991. – P. 1- 68; **Lakoff 1973** - Lakoff R. Language and Women’s Place //Language in Society, 1973. - №2. – P. 45-79; **Lakoff 2000** - Lakoff R. The Language War. – Berkley, 2000. – 313 p. **Prigogine, Stengers 1984** - Prigogine I., Stengers I. Order out of chaos: man’s new dialogue with nature/ - Toronto, New York, 1984. – 349 p.; **Tannen 1990** - Tannen D. You Just Don’t Understand: Women and Men in Conversation. – N.Y., 1990. – 330 p.

As a subject of discourse research, the study of gender discourse is relatively new. The article deals with the study of the gender discourse as an open system. Its structural and functional characteristics are under analysis. Men and women work within very different interpretative frames of discourse; these different ways of seeing the world is a major source of miscommunication.